

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо пролога. Наш звездолет 3

I. В ХОЛОДА, В ХОЛОДА

Правильный воробей	6
Солдатики	12
Словарь юного северянина	17
Мой верный товарищ наган	20
Котенок	25
Возвращение морских чудовищ	28
Сентиментальное путешествие на полноприводной машине времени	34

II. АТОМНАЯ ТЕНЬ

Трещина	42
Слезы и шахматы	45
Красное и черное	45
Милитарист и эстрадный роман	50
Часовой	53
Счастье	55

III. 1984. ШКОЛА

Песнь Земли	58
Мой Высоцкий	61
Баллада о борьбе	65
Восстание Желтых повязок	73
Мой советский Новый год	78

IV. ЛЮБОПЪ И ТАНКИ

Человек в тысячу километров	86
Мы из Бадена	89
Принц танкодрома.	92
Стрижка — дело опасное.	96
Дед Гоша и награда	102
Сватовство танкиста	108
Мама Галя	111
История лошади	115
Дед Гоша и возмездие	117

V. ЛАГЕРЯ, ЛАГЕРЯ

Криминальный талант.	122
Подводная мечта.	128
Танцы народов	130
Сто тыщ миллионов книг.	136
Я, Спартак	142
Король шахмат.	145

VI. СОВЕРШЕННО ЛЕТНИЙ ДРУГ

Сэр Жданчик и Грааль	154
Полет	161
Одно финансовое лето	163
Сердце Бонивура	169
Чертов пикник и властелины времени.	173

VII. ЭРА ИСТИННОГО КУНГ-ФУ

Моя боевая мечта	192
Танцор диско	193
Судьба телевизора.	202
Мой друг — пророк кунг-фу	205
Красный космос	217
Кунг-фу Советского Союза.	219

VIII. КЕНТАВРЫ ОБОЛЩЕНИЯ

Синко Льягас	226
Книжные дети	229
Кентавры оболщения	230
Мы хотим верить	241
Угол скорпиона	243
О чем разговаривать с девушками на вечеринках	244

IX. БЕЛЫЕ КОРАБЛИКИ

Оптимальный уровень магния	254
Корабль-призрак	255
Властелин зануд	258
Рок-н-ролл в машине времени	261
Белые кораблики	265
Жигули, план и кукуруза	270

X. 90-Е. ТЫМА НАД МОРДОРОМ

Гангстер Серега	274
Почему я не стал ювелиром	291
Голубая краска	295
Сухов и гарем	301
День Будущего	303
Город на песке, неразменные пельмени и светлая память	307
Эпилог	312

ВМЕСТО ПРОЛОГА. НАШ ЗВЕЗДОЛЕТ

«Стажеры», Стругацкие. Что делает мир Полдня таким реальным? Работа. Вот это ощущение, что, пока люди вокруг едят, шутят, выясняют отношения, носят свои пиджаки, где-то там, за кадром, идет гигантская, мощная, неумолимая работа всего человечества; работа, направленная вперед, сквозь парсеки и препятствия, сквозь боль, тернии и даже самих творцов, сквозь километры и километры ледяной космической пустоты, сквозь астероидные пояса, галактики и туманности, туда — в глубину космоса. К далеким и ярким звездам. К сияющей и великой цели, ради которой стоит жертвовать жизнью и здоровьем, и душевным спокойствием, и сном, и отдельной человеческой мечтой, и чем-то еще.

На первый взгляд работа эта незаметна, ее словно нет. Читаю сейчас «Стажеров» Стругацких. В кадре опять кто-то шутит, читает книги, охмуряет девушку или ловит ворон, ничего явного, но все время пятками, мышцами, всем телом ощущается вибрация, настолько гулкая, что отдается в кость. Эта вибрация живет в тебе. В каждой частичке твоего тела.

Ты и есть эта вибрация.

Словно все люди находятся на палубах огромного космического лайнера и где-то далеко за стеной и переборками работает мощный тысячеракторный двигатель. Это идет работа будущего. Наш космолет вперед летит. Время — вперед. Интересно. В детстве у меня тоже было такое ощущение. Только не в книге, а наяву. Я ощущал эту работу, эту палубу пятками и всей душой...

Шли восьмидесятые годы. Мое детство.

Кто-то тогда жил в «совке». Мучился от дефицита и мечтал свалить в Америку. Я нет.

Я жил в корабле, летящем в будущее.

Я не дергался и не торопился.

Я рос и умнел. Читал книги и занимался спортом. Играл с друзьями и один. Ел манную кашу с комками, мандарины раз в год, холодные макароны в школьной столовой, больше похожие на трубопрокат, чем на еду. Я знал: все трудности временны.

Однажды придет мое время встать в ряды экипажа. Занять свое место по штатному расписанию. Перенять рычаги и штурвалы из умирающих рук.

И когда придет это время, я буду достоин великой чести.

О капитан, мой капитан.

Я как-то даже в этом и не сомневался...

Наш звездолет вперед летит.

Иногда этого ощущения мне очень сильно не хватает.

1. В ХОЛОДА, В ХОЛОДА

ПРАВИЛЬНЫЙ ВОРОБЕЙ

1981 год, Советский Союз, Нижневартовск

Ничто так не портит тебе жизнь в детском саду, как хорошая память.

Все детство я, как проклятый, учил и рассказывал стихи, участвовал в куче чужих утренников, играл в сценках, плясал и даже учился вальсировать в тихий час. С девчонкой! Бездну моего падения не измерить, не осознать.

Часто, когда мои друзья собирали космический корабль из офигенного набора, меня вели, как на расстрел, в музыкальный зал. На занятия. Вот и в этот раз — стоило мне начать собирать «Аполлон» для стыковки с «Союзом», как... бум, бумм, бум!

Я услышал шаги командора.

Мое сердце замерло.

— Мне нужен Овчинников и Мальгин, — сказала музыкальный руководитель. Мы с Лешкой обменялись обреченными взглядами. Третий наш друг, очкарик и умник Серый, который впоследствии придумает игру о подводных чудовищах, ухмыльнулся. Он оставался в игре. Он прикрепил космонавта к тралу.

— А Паганель будет играть Кукушку, — добавила муз. руководитель.

Лицо Серого вытянулось.

Мы с Лешкой злорадно рассмеялись.

Справедливость — это не когда всем одинаково хорошо, а когда всем одинаково плохо.

Кстати, сценка, в которой мы должны были играть, тоже оказалась о справедливости.

История проста. Дано: скворечник. В нем живет Синичка (Лешка). Но прилетает злобный Кукушка (Серый) и выгоняет Синичку на улицу. А сам заселяется в скворечник. В общем, откровенный рейдерский захват с нанесением побоев и моральным унижением. Синичка горько плачет. Мимо летит Правильный Воробей (это я). Чего ты плачешь, Синичка? Вот такая фигня, брат Воробей, говорит Синичка. Помоги, ты ж старый опер. И Воробей берет нунчаки и идет разбираться с Кукушкой (ладно, про нунчаки я наврал).

— Выходи вон! — говорит Воробей и грозно машет крыльями на Кукушку. А потом еще как-то мощно морально воздействует на хулигана.

Кукушка в итоге пугается и улетает, посрамленный. Синичка возвращается в скворечник. Справедливость торжествует.

— Спасибо, храбрый друг Воробей, — говорит Синичка-Лешка. И его длинные, как у девочки, светлые ресницы благодарно опускаются. А Воробей-без-имени улетает в сторону заходящего солнца. Конец.

В общем, трогательный момент. Муз. руководитель сама чуть не расплакалась от своего драматургического мастерства. Возможно, ей казалось, что это практически опера «Евгений Онегин», только

Онегин и Ленский в последний момент бросают пистолеты в снег, обнимаются, поют баритоном и тенором, а потом идут ногами пинать Дантеса (ладно, тут я тоже наврал).

Мы пришли в музыкальный зал и начали репетировать.

Лешка все время забывал текст. Он вообще, узнав о своей роли, как-то поскуцнел лицом, а потом даже сделал попытку взбунтоваться. Мол, лучше я буду играть Воробья или Кукушку, чем этого... Синичку.

Муз. руководитель внятно объяснила Лешке, что у каждого актера свое амплуа. И не дело пытаться влезть в чужие валенки (эту историю я тоже как-нибудь расскажу). Вот посмотри на него (это про меня) — какая синичка с таким честным упрямым лицом Мальчиша-Кибальчиша? Такая синичка скорее удавится, чем сдаст родной скворечник буржуинам. Что это за история, в которой синичка три месяца скрывалась в развалинах скворечника, питалась комбикормом, а по ночам убивала кукушек SS? Точно не наша. А посмотри на этого (это про Серого) — он же вылитый профессор Мориарти! А надень очки — Паганель, что лучше, но тоже мимо образа синички. Его выгони из скворечника, он даже не заметит и пойдет классифицировать морских млекопитающих. Кому это надо?

Синичка должен быть трогательным, ранимым и лиричным. Чтобы зрители ему сочувствовали.

Лешка увял.

Он, конечно, не знал, что через пару месяцев я ударю его по голове рукояткой игрушечного нага-

на до крови, но все равно чувствовал в словах муз. руководителя какой-то подвох.

Мы репетировали дальше. Лешка бубнил и угрюмо хлопал ресницами, иногда забывая текст, я махал крылышками, голос мой звенел как набат, а Кукушка злодействовал. Серому понравилось быть плохим. У него обнаружился пугающе гипнотический взгляд (просто без очков он плохо видел), а язвительность уже имелась природная. В процессе выяснилось, что играть этот спектакль мы будем три раза. Три! Один раз у малышей, второй — в старшей подготовительной группе, а третий, финальный, на утреннике в своей группе. Понятное дело, нас это не обрадовало.

Но деваться было некуда.

Спустя несколько репетиций, подгонки костюмов (нам просто надели бумажные обручи с нарисованными птицами), наступило время премьеры.

Младшая группа. Гул голосов, звуки пианино. Мы вошли. Малыши сидели по скамейкам, как нахохлившиеся замерзшие воробышки. И смотрели на нас испуганными круглыми глазами. Мой Правильный Воробей выглядел рядом с ними Кинг-Конгом. Деревянный домик, изображающий скворечник, уже стоял в центре зала.

Спектакль начался.

От страха Лешка порозовел и вспомнил слова (со мной в бытность на актерском всегда было наоборот).

— Я Синичка, маленькая птичка... — и т. д.

Прилетел Кукушка и лестью, хитростью, наглостью, а потом и силой отнял у Синички скворечник.

— Это мой дом! — возопил Синичка жалобно. Он стоял маленький, белобрысый. Его было смертельно жалко.

Кукушка в ответ зловеще расхохотался. Удачно вышло, у меня даже мороз пополз по коже. Пара малышей заплакала.

— Не плачь, Синичка! Я помогу твоему горю! — сказал я храбро и полетел в бой.

Зрители оживились. Повскакивали со скамеек.

— Выйди вон! — закричал я Кукушке.

— Дай ему! Стукни его! — кричали малыши.

В этом муз. руководитель оказалась права — Лешка вызывал сочувствие. Даже когда он все-таки забыл текст и муз. руководителю пришлось ему подсказывать, Леша только стал ближе к народу. Мелкие прониклись к Синичке и всячески за него болели. Ситуацию они переложили на себя, поэтому вмешательство Правильного Воробья вызвало бурю восторгов. Я сердито наседаю на Кукушку и яростно махал крыльями. Мелкие вопили и радовались. Кукушка позорно бежал. Аплодисменты. Я был — герой.

После утренника я честно сфотографировался с кучей мелких. Я терпеливо стоял, пока родители щелкали «Зенитами» и «Сменами-М», а малыши преданно заглядывали мне в глаза. Я был такой коллективный старший брат. С таким ничего не страшно, думали мелкие. Думаю, в тот момент я почувствовал легкий «комплекс самозванца».

Родители мелких подходили и говорили, что мы хорошо играли (особенно Лешка), но нас это не трогало. Мы были словно группа трагиков МХАТ, отработывающая повинность на корпоративах. Кос-

мические инженеры на картошке. А нас хвалили за умение надуть шарик и сбор с куста... тьфу.

С Лешкой тоже фотографировались, а Кукушку мелкие боялись. Встретив его расфокусированный взгляд, малыши ежились и прятались друг за друга. Так что вокруг Серого было пустое пространство.

Потом нам вручили подарки — такие же, как у малышей. Мы с парнями оглядели цветные пирамидки и пожали плечами. Ээ... это зачем? Ну, хоть конфет дали, правда, почти все с белой начинкой (такие я не ел, только с черной).

Затем была старшая группа. Подготовишки смотрели на нас как на мелких клоунов, но тоже повеселились, глядя спектакль (особенно когда Лешка традиционно забыл слова, а я атаковал Кукушку). И даже сфотографировались с нами после — в основном девчонки. В этот раз нашей труппе тоже вручили подарки — такие же, как для старших. Маленькие счеты и конфеты.

И наконец, настал день финального спектакля. Это был утренник нашей группы.

Мы вышли вальяжно и раскованно, словно опытные комедианты, и отыграли влет, как по маслу. Лешка даже ни разу не забыл текст.

Все закончилось.

Я стоял, опустошенный, когда к нам подошла муз. руководитель. Я поднял взгляд.

— Это провал, — сказала муз. руководитель надломленным голосом. — Боже мой!

Я посмотрел на нее с недоумением. Что?

— Как замечательно вы выступали у малышей и у старших... а тут! Тут!

Я все еще не понимал. Каторга закончилась, мы могли вернуться в группу и играть в космический конструктор. Разве это не здорово? По-моему, прекрасно. А еще нам дали машинку и конфеты (и даже пару с черной начинкой).

— Вы так здорово играли первые спектакли. А сейчас — Кукушка забыл расхохотаться и залезть в домик, Воробей не хлопал крылышками, а Синичка... — Муз. руководитель на мгновение задохнулась. — Синичка, когда его выгнали из скворечника... стоял, руки в карманы, и улыбался!

Муз. руководитель закрыла лицо руками.

Это сейчас я могу понять ее режиссерскую боль, а тогда цинично пожал плечами. Подумаешь.

Мы с парнями переглянулись и пошли в группу. Нас ждали космос, «Союз-Аполлон» и макароны с подливкой.

В общем, так я заболел театром (ладно, я опять наврал. Это случилось намного позже).

А справедливость все равно торжествует. Это я к тому, что вальсировать с девчонками оказалось не так уж плохо... Но до девчонок, стихов и театра еще нужно было дорасти.

СОЛДАТИКИ

А еще сначала нужно было родиться. И в этом мне здорово помогла советская армия. Дело было так.

Урал, город Кунгур. После школы отец закончил техникум по разделу «Связь и радиотехника», что соответствует очень нужной воинской специальности. В военкомате отца и его одноклассников обозвали «спецнабором» и сказали, что служить они пойдут только в связь. «Готовьтесь, оболтусы. И хватит там ржать в коридоре, здесь все слышно».

И вот приходит осень 1975 года. Призыв.

Бабушка:

— Провожали Славку в армию, всем двором пировали. Весело было! Гармошка, бражка. Отплясали, уехал он служить. А через месяц соседский мальчишка прибегает, кричит: там ваш Славка идет! Как так-то? У меня аж сердце екнуло. Выскакиваю на улицу. А он вырывается себе из-за угла — стриженный налысо и лыбится.

Оказалось, весь их набор разобрали, а на него не нашлось «покупателя». Двух краснодипломников взяли, а его, с синим, оставили. Отец взмолился: я тут уже месяц сижу, время теряю, давайте меня по обычному разряду? В свойственной отцу реактивной манере он тут же договорился с хорошим «покупателем» старлеем — ехать служить в теплый край, под Краснодар, к клетчикам. Самолеты — это романтично. Старлей ушел к начальству, возвращается... «Не положено по обычному, — пожимает плечами. — Извини, парень».

В общем, отправили отца домой до следующего призыва.

— Ладно, — сказал дед Гоша, почесав затылок под беретом. — В армию тебя, оболтуса, не взяли. Тогда женись.

Сыграли свадьбу. Отец с мамой еще в технике встречались, а тут такой повод. В следующем году отца все-таки забрали в армию. Как спеца связиста, отправили в учебку, затем на запасной командный пункт где-то в Уральских горах. Они там сидели под землей и ходили все, генералы и рядовые, кадровые и срочники, в серых комбинезонах без знаков различия — чтобы враг не догадался. А однажды их командный пункт учебным штурмом взял отряд спецназа... Впрочем, это уже другая история. Отец, опять с кем-то договорившись, звонил домой по секретной линии и громко смеялся в трубку.

Бабушка рассказывает:

— Телефон был только у соседки. Она прибежала: «Галья, твой Славка звонит!» Мы с Людой бегом...

А еще через месяц отец приехал в отпуск. Потому что родился я.

Бабушка качает головой и смеется:

— Первый раз забрали — через месяц вернулся, нате! Второй раз забрали, через два месяца пришел. Че ему в армии не сиделось-то?

* * *

У отца был высокий чистый тенор. Он брал такие высокие ноты, какие не всякое женское сопрано осилит.

Он пел в группе. Их было два солиста.

Забыл, как группа называлась. ВИА какая-нибудь.